

— Когда я полюбила тебя или вообразила, что люблю... Когда я, неопытная, не знающая жизни, доверчивая девочка, впервые взглянула в лицо действительности...

Внезапно вошла к нему в халате, после ванны, вся пахнувшая миндальным мылом, с красиво убранными блестящими волосами, и сама чувствует, что должен чувствовать он, глядя на движения ее высокого тела под мягкой фланелью, подпоясанной длинным шнуром, на то, как открываются от быстрой ходьбы ее длинные ноги в натянутых черных чулках...

— Я решила наконец просто и честно, как порядочная женщина, положить конец тому двусмысленному положению, которое образовалось между нами — лично для меня, по крайней мере...

Он, повернувшись в кресле возле письменного стола, уже одетый с утренней тщательностью для выезда в город, слушает идиотически, думает «положить наконец конец!» и делает вид, что очень занят стряхиванием в пепельницу пепла с папиросы. Бормочет фальшиво-дружески:

— Да, да, пожалуйста, говори все откровенно, напрямик... И поверь, что я сумею стать выше эгоистических соображений...

— Да, прежних чувств у меня к тебе нет! Да, ты убил их во мне!

— Чем, мой друг?

— Всем, всем!

— Например?

— Например! Когда я впервые поняла наконец, что все то духовное, чистое, на что я так страстно надеялась, вступая в жизнь...

Он сидит, опустив голову, пристально разглядывая свои размытые ногти, уже бледнея от злобы, и тихо говорит:

— Позволь тебе напомнить, что, «вступая в жизнь», ты имела уже двадцать восемь лет...

22.4.44

Парижский архив Бунина. Впервые опубликовано в 1961 г. в Нью-Йорке. Печатается по тексту этой публикации.

Воспроизведено: «Неделя», 1962, № 17, без даты и без указания на источник.

ЖЕЛЕЗНАЯ ШЕРСТЬ

Предисловие Э. В. Померанцевой

В этом рассказе использованы поверья и былички о русалках, лешем и оборотнях, распространенные в средней полосе России, в частности в Орловской и Тульской губерниях. Так, в конце XIX в. в Орловской губернии было записано множество рассказов о лешем, в том числе о встрече его с девушкой в лесу, о девушке, ушедшей в монастырь, чтобы избавиться от сладострастного змея, и др. В рассказах этих рисуется облик лешего: «Старый, старый, как человек, бородача длинная, голый, вот как есть человек, а руки-то волосатые, мохнатые»; в поверьях, записанных в Орловской губернии, рассказывается и о русалках: «Ходят голые, волосы по самые пятки. Бегают по лесу, ищут человека, чтобы зачекотать» (Архив Гос. музея этнографии, ф. В. Н. Тенишева. Орловская губ., раздел Ж). Возможно, Бунин знал популярную в начале 900-х годов книгу С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» (СПб., 1903), в которой есть описания лешего (стр. 68—77), русалок (стр. 100—104), кликуш (стр. 147—158) и оборотней (стр. 105—108). «Деревенские слухи, — пишет Максимов, — очень настойчиво приписывают, между прочим, лешим страсть к женщинам и обвиняют их в нередких похищениях девушек. Кое-где рассказывают об

СТРАННИК

Этюд И. Е. Репина. Масло, 1881

Пензенская
областная картинная галерея

этих связях с мелкими подробностями <...> В Тульской губ. <...> уверяют, что в старину, когда около сел были большие леса, девушки сами убежали к лесным, жили с ними года два-три и затем возвращались домой с кучей денег и т. п.» (стр. 76). В бунинском рассказе имеются также отзвуки сказок о медведе, от которого девушка родила сына («Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри», «Иванко-Медведко» — см. «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах». М., 1957, т. 1, № 141 и 152). Название «медведь-железная шерсть» встречается в сказке «Звериное молоко» (там же, т. 2, № 202). Сходные мотивы бытуют и в фольклоре других европейских народов — вспомним повесть П. Мериме «Локис», которая восходит к литовским сказкам. В «Указателе сказочных сюжетов» Н. П. Андреева отмечен сюжет о чудесном супруге (Л., 1929, № 311, 425—440), отдаленно напоминающий рассказ Бунина.

Однако фольклорным рассказам о сожигательстве женщины с лесным духом или зверем Бунин дает собственную интерпретацию, отличающуюся от той, которая встречается в народном творчестве, за исключением, быть может, быличек и бывальщин об огненном змее, навещающем в образе покойного мужа тоскующих вдов.

— Нет, я не инок, ряса моя и скуфья означают лишь то, что я грешный раб божий, странник, сушею и водами ходящий вот уже шестой десяток лет. Родом же я дальний, северный. Там Россия глухая, древняя, леса да болоты с озерами, селения редкие. Зверя много, птицы несть числа,

филинов ушастых видишь — сидит в черной ели, пучит янтарное око. Есть носатый лось, есть прекрасный олень — плачем и зовом звенит в бору к своей подруге... Зимы снежные, долгие, переходящий волк под самые окна подходит. Летом же качается, шатается по лесам медведь широколапый, в делях леший свищет, аукает, на дудках играет; в ночи утопленницы туманом на озерах белеют, нагими лежат на берегах, соблажняя человека на любодоеание, ненасытый блуд; и есть немало несчастных, что токмо в сем блуде и упражняются, провождают с ними ночь, день же спят, в тресовицах пылают, оставя всякое иное житейское попечение... Несть ни единой силы в мире сильнее похоти — что у человека, что у гада, у зверя, у птицы, пуще же всего у медведя и у лешего!

Тот медведь у нас зовется Железная Шерсть, а леший — просто Лес. И женщины любят они, и тот и другой, до лютого лакомства. Пойдет женщина или даже невинная в бор за хворостом, за ягодой — глядишь, затяжелела: плачет и кается — меня, говорит, Лес осилил. А иная на медведя жалуется: повстречал-де Железная Шерсть и блуд со мной сотворил — могла ли от него спастись! Вижу, идет на меня, пала я ниц, а он надшел, обнюхал, — мол, не мертва ли? — завернул на мне свитку и исподнее, задавил меня... Только правду сказать, нередко лукавят они: случается даже с отроковицами, что сами они прельщают его, падают на земь ничком и, падая, еще и обнажаются, как бы нечаянно. Да и то взять: трудно устоять женщине что перед медведем, что перед лешим, а что будет она оттого впоследствии времени кликуша, икотница, о том заране не думает. Медведь — он и зверь и не зверь, недаром верят у нас, что он может, да только не хочет говорить. Вот и поймешь, до чего женской душе прельстительно иметь такое страшное соитие! А про лешего и говорить нечего — тот еще страшней и сладострастнее. Я о нем ничего не могу утверждать, бог миловал видеть его, а которые видели, те говорят, будто он подобен по рубахе и портам и прочей наружности мужику-смолокуру, однако же кровь у него синяя, оттого и с лица темен, ногами мохнат и тени от себя не может иметь ни при солнце, ни при месяце; завидя на лесном пути прохожего, тот же час согнетя весь и такого духу даст — векша не догонит! Не то при встрече с женщиной: он не токмо не боится ее, но, зная, что тут ее самой ужас и похоть берет, козлом пляшет к ней и берет ее с веселостью, с яростью <...>

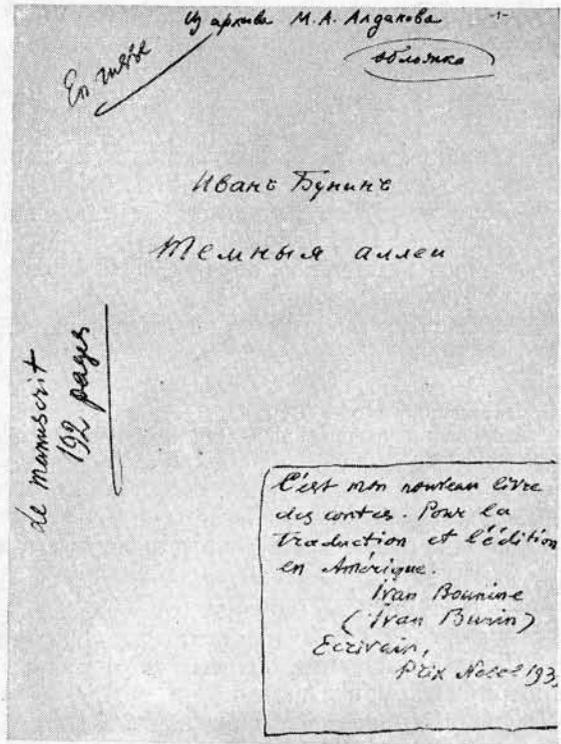
Все сие я к себе клоню. Пошел я на весь свой век сирым странником по причине того несказанного бедствия, что постигло меня на самой заре моей. Женили меня родители на прекрасной девице из богатого и старинного крестьянского двора, которая была еще млаже меня и дивной прелести: личико прозрачное, первого снега белей, глаза лазоревые, как у святых отроковиц... Но вот, в первой же брачной ночи нашей, кинулась она от моих объятий под образа в спальной горнице, говоря мне: «Ужели дерзнешь взять мое тело под святой божницею и елейными лампадами? Я приняла венец с тобой не своею волею и не могу быть твоей супругою, зане должна удалиться в скит и монастырь, дабы принять другой венец, умереть для мира заживо, по жестоким грехам моим». Я отвечаю ей: «Видно, впала ты в безумие, какой же может быть жестокий грех на твоей душе в твоём невинном возрасте!» Она же мне: «Про то одна мать божия ведаёт, ей же дала я, покаявшись, обет быть чистою». И тогда я — пуще всего от ее сопротивления и подобных страшных слов, да еще под святынями — озверел столь необузданной страстью, что упился ею как раз на том месте, на полу, сколь ни противилась она своей слабой силою и мольбами и рыданием, и вспомнил лишь после того, что имел я ее невинности уже лишённую, не подумавши, однако, кем и как лишена она ее. Будучи во хмелю, в сей же час заснул крепким сном. Она же, в одном ис-

СБОРНИК «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»

Обложка рукописи,
подготовленной Буниным в 1942 г.
и отправленной им для издания
в США

Автограф

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

поднем, убежала из спальной горницы в лес и там на своем брачном поясе повесилась. Когда же обрели ее там, то увидели: сидит на снегу у тонких босых ног ее, склонив голову, великий медведь. И, как тот олень, три дня и три ночи оглашал я потом леса окрест своим плачем и зовом, ее на земле уже не достигавшим.

1.5.44

Ив. Б у н и н. Темные аллеи. Париж, 1946. Печатается по экземпляру с авторской правкой Бунина: ИМЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 69.

Воспроизведено (без учета авторской правки): «Литературная Армения», 1967, № 5.

МОДЕСТ

Южный сентябрь, на солнце жарко, сухо, везде все блестит. На окраине города конная ярмарка. Он богатый лошадиник, рыжий, щуплый, в чесучовом пиджаке, в черных штанах и высоких сапогах, в белом картузе, с золотым перстнем на указательном пальце. Он целый день на ярмарке. А в городе, в номере гостиницы с прикрытыми сквозными ставнями, в душном полусвете, лежит на диване, в одной розовой сорочке, его содержанка, крупная, полная, сдувает спотной верхней губы мух и белыми руками выбирает из воды в тарелке и ест крупный, размокший изюм. Лицо девки широкоскулое, курносое, нежное, тело чудесного животного, руки и ступни прекрасные, с удлинненными пальцами, с тонкой блестящей кожей.